

**Письменные замечания заявительницы
по делу № 16390/17 «Лашун против России»**

Ответы на вопросы Суда под цифрой 1: «Была ли соблюдена презумпция невиновности, предусмотренная статьей 6 § 2 Конвенции, в отношении производства по предъявленному заявительнице уголовному обвинению, принимая во внимание мотивировку и терминологию, использованную в постановлениях дознавателей и следователей от 22 июня 2015 г., 02 июля, 12 сентября, 26 октября, 26 ноября и 26 декабря 2016 г., согласно которым заявительница совершила несколько преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 116 УК РФ?», «Отражали ли указанные выше решения ощущение, что заявительница виновна в совершении преступлений, в совершении которых она подозревалась, или они ограничивались утверждением о наличии в отношении неё лишь подозрения?»

1. Презумпция невиновности была нарушена в отношении заявительницы, поскольку в указанных постановлениях, не являющихся актами, которыми в законном порядке устанавливается виновность в совершении преступления, и в отсутствие таких актов дознаватели и следователи не ограничились изложением имеющихся в отношении заявительницы подозрений в совершении преступлений, но прямо и однозначно указали, что она виновна в их совершении: в них указано, что дознаватель либо следователь «...установил, [что]... [заявительница] умышленно нанесла несколько ударов по телу несовершеннолетнего [Т.], причинив ему физическую боль... умышленно, с силой засунула грязную тряпку в рот несовершеннолетнему [В.], совершив этим иные насильственные действия, причинившие... [В.] физическую боль... нанесла два удара по спине несовершеннолетнему [Я.] сухой половой тряпкой, причинив ему иные насильственные действия (sic!), от которых он испытал физическую боль... умышленно нанесла удар по спине несовершеннолетнему [В.] деревянной указкой, от чего та сломалась, причинив тем самым [В.] физическую боль... умышленно нанесла удар по спине несовершеннолетнему [Я.] деревянной указкой, причинив ему физическую боль... умышленно, с силой удерживая за левое ухо

несовершеннолетнего [Я.], повела в спальню, причинив этим действие[м] последнему физическую боль... умышленно нанесла удар ремнём по ягодицам несовершеннолетней [Ж.], причинив ей физическую боль... [тем самым заявительница] совершила преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 116; ч. 1 ст. 116 [Уголовного кодекса РФ] (постановления дознавателей от 22 июня 2015 г. и 02 июля 2016 г., следователя от 12 сентября 2016 г. – см. приложение № 6 к первому формуляру жалобы, направленному в Суд, и приложения №№ 5 и 9 ко второму формуляру жалобы, направленному в Суд); следователь «...установил [что] [заявительница] умышленно нанесла несколько ударов по телу несовершеннолетнего [Т.], причинив ему физическую боль... умышленно, с силой засунула грязную тряпку в рот несовершеннолетнему [В.], причинив [В.] физическую боль... нанесла два удара по спине несовершеннолетнему [Я.] сухой половой тряпкой, причинив последнему физическую боль... умышленно нанесла удар деревянной указкой по спине несовершеннолетнего [В.], причинив последнему физическую боль... умышленно нанесла деревянной указкой удар по спине несовершеннолетнего [Я.], причинив последнему физическую боль... умышленно, с силой удерживала за левое ухо несовершеннолетнего [Я.], причинив последнему физическую боль... умышленно нанесла удар ремнём по ягодицам несовершеннолетней [Ж.], причинив последней физическую боль. Своими действиями [заявительница] совершила преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 116; ч. 1 ст. 116 УК РФ (постановления следователя от 26 октября, 26 ноября и 26 декабря 2016 г. – см. приложения №№ 13, 17 и 19 ко второму формуляру жалобы, направленному в Суд).

2. Презумпция невиновности, предусмотренная статьей 6 § 2 Конвенции, нарушается, когда должностное лицо, причём не обязательно судья, делает в отношении лица, которому предъявлено уголовное обвинение, заявление, которое отражает мнение о виновности этого лица в совершении преступления, до того, как его виновность установлена законным порядком, пусть даже речь не идёт о вынесении этим должностным лицом формального решения о виновности. При этом, конечно, необходимо различать утверждения о наличии лишь подозрения в совершении преступления и явные заявления о том, что лицо совершило

преступление, сделанные в отсутствие вынесенного в предусмотренном законом порядке окончательного решения о виновности лица в совершении преступления (см. *Marziano v. Italy*, no. 45313/99, § 28, 28 November 2002; *Virabyan v. Armenia*, no. 40094/05, §§ 185-186, 2 October 2012; *Peltureau-Villeneuve v. Switzerland*, no. 60101/09, §§ 31-32, 28 October 2014).

3. В случае заявительницы постановления дознавателей и следователей не оставляют никаких сомнений в том, что они считают заявительницу виновной в совершении преступлений. Однозначные формулировки, согласно которым заявительница «совершила преступления», со всей очевидностью выходят за рамки утверждения о наличии лишь подозрения в её виновности и представляют собой нарушения презумпции невиновности, гарантированной статьей 6 § 2 Конвенции (ср. *Virabyan v. Armenia*, no. 40094/05, § 189; *Peltureau-Villeneuve v. Switzerland*, § 35; *Stirmanov v. Russia*, no. 31816/08, § 45, 29 January 2019).

4. Заявительница также хотела бы обратить внимание, что, как прямо следует в том числе из письменных замечаний властей, нарушение презумпции по меньшей мере постановлением от 22 июня 2015 г. вызвано в том числе самим законодательством. Так, часть 2 статьи 84 УК РФ предусматривает, что «актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности». Часть 4 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ предусматривает, что «уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования» (за исключением, неприменимым по настоящему делу). А пункт 3 части 1 статьи 27 УПК РФ предусматривает, что «уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается... вследствие акта амнистии». Из всех этих положений следует, что в случае прекращения вследствие акта амнистии уголовного преследования и, соответственно, уголовного дела на стадии предварительного расследования, до/без передачи дела в суд для рассмотрения его по существу предъявленного уголовного обвинения, что имело место в отношении заявительницы, лицо, которому было предъявлено уголовное обвинение, фактически прямо признаётся «совершившим преступление», поскольку в силу формулировки уголовного закона амнистия применяется именно к лицам, «совершившим преступление». Более того, как справедливо замечают власти в своих письменных замечаниях, это обстоятельство

также подчеркивается в актах Государственной Думы Федерального Собрания РФ, которыми объявляется амнистия. В данном случае в пункте 12 Постановления от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» (власти в своём письменном отзыве ошибочно указывают на п. 10 Постановления от 18 декабря 2013 г. № 3503-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации», однако его содержание аналогично): «лица, подпадающие под действие Постановления об амнистии, не освобождаются от... обязанности возместить вред, причиненный в результате совершенных ими противоправных действий», - где прямо делается вывод, что попавшие под амнистию действительно совершили соответствующие «противоправные действия», то есть, применительно к случаю заявительницы, преступления (ср. *Virabyan v. Armenia*, § 191). То обстоятельство, что нарушение вызвано в том числе законодательством, подтверждается и позицией суда апелляционной инстанции по делу заявительницы в части, касающейся ссылки на «не реабилитирующее» основание освобождения её от уголовной ответственности (см. пункт 8 настоящих письменных замечаний ниже).

5. Кроме того, разбирательство по гражданскому делу о взыскании с заявительницы компенсации морального вреда, причиненного жертвам предполагаемых преступлений, являлось открытым. И в рамках этого разбирательства было оглашено постановление дознавателя от 22 июня 2015 г., которое также воспроизведено в решении Артёмовского городского суда от 08 декабря 2015 г. в части приведенных выше в пункте 1 настоящих письменных замечаний выводов о том, что именно заявительница, по мнению дознавателя, сделала в отношении несовершеннолетних воспитанников школы-интерната (см. с. 3 этого решения – приложение № 10 к первому формуляру жалобы, направленному в Суд). Таким образом, ко всему прочему репутация заявительницы была серьезно затронута тем, что постановление дознавателя от 22 июня 2015 г. фактически было оглашено публично. Это является дополнительным аргументом в пользу

нарушения в отношении неё презумпции невиновности (ср. *Peltrean-Villeneuve v. Switzerland*, § 37; *Stirmanov v. Russia*, §§ 47-48).

Ответы на вопросы Суда под цифрой 2: «Принимая во внимание мотивировки решения Артёмовского городского суда от 08 декабря 2015 г., определения Приморского краевого суда от 05 апреля 2016 г. и определения судьи Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г., согласно которым заявительница была признана ответственной в гражданско-правовом порядке за причинение морального вреда предполагаемым жертвам преступлений, по признакам которых в отношении неё было возбуждено уголовное дело, имеется ли такая связь между производством по гражданскому делу в отношении заявительницы и уголовным делом, которая бы позволила говорить о применимости к этим судебным актам статьи 6 § 2 Конвенции?», «Если да, то была ли в отношении заявительницы нарушена презумпция невиновности, предусмотренная статьей 6 § 2 Конвенции, названными судебными актами, их мотивировками, использованным в них языком?», «В частности, принимая во внимание вывод Артёмовского городского суда, что «факт причинения несовершеннолетним детям насильственных действий, от которых последние испытали физическую боль, установлен материалами уголовного дела и не опровергнут ответчиком», а также позицию судов апелляционной и кассационной инстанций, которые согласились с этим выводом, осуществили ли национальные суды оценку относимых фактов независимо от выводов органов расследования?»

6. Между уголовным делом в отношении заявительницы и разбирательством по иску о взыскании с неё компенсации морального вреда, причиненного жертвам предполагаемых преступлений, безусловно имеется такая связь, которая позволяет говорить о применимости статьи 6 § 2 Конвенции, поскольку в рамках гражданского дела суды изучали и оценивали доказательства, собранные в рамках уголовного дела, и рассматривали вопрос участия заявительницы в событиях, приведших к её уголовному преследованию (см. *Allen v. the United Kingdom* [GC], no. 25424/09, § 104, ECHR 2013).

7. Заявительница также хотела бы обратить внимание, что хотя формально власти в своих письменных замечаниях утверждают, что «основания для применения ст. 6 § 2 Конвенции в настоящем деле отсутствуют», мотивировка этого утверждения свидетельствует о том, что они оспаривают вовсе не применимость статьи 6 § 2 Конвенции (в пользу чего они не высказывают никаких аргументов, которые соответствовали бы применимой практике Суда), но считают, что статья 6 § 2 не была нарушена (что косвенно свидетельствует о согласии с её применимостью), поскольку, по мнению властей, «национальными судами были в полном объёме оценены обстоятельства и представленные доказательства и установлен факт совершения насильственных действий в отношении несовершеннолетних детей и [факт] нарушения их личных неимущественных прав» (при том, что прямо признанное властями установление судами в рамках гражданского дела «факта совершения насильственных действий в отношении несовершеннолетних» является ничем иным как доказательством применимости статьи 6 § 2 Конвенции к разбирательству по этому гражданскому делу, поскольку именно это следует из применимой практики Суда, названной выше).

8. При рассмотрении гражданского дела судами была нарушена презумпция невиновности, предусмотренная статьей 6 § 2 Конвенции, поскольку они не осуществили независимой от органов расследования оценки относимых фактов. Структура мотивировочной части решения Артёмовского городского суда следующая: суд указал, что в отношении заявительницы было возбуждено уголовное дело, привёл извлечения из постановления дознавателя от 22 июня 2015 г., о которых написано выше в настоящих письменных замечаниях (см. пункт 1), указал, что, как прямо процитировал Суд в своём вопросе, «факт причинения несовершеннолетним детям насильственных действий, от которых последние испытали физическую боль, установлен материалами уголовного дела и не опровергнут ответчиком», указал, что это подтверждается протоколами допросов потерпевших и свидетелей, протоколом очной ставки с одним из потерпевших – то есть материалами уголовного дела, которые были положены в основу того же постановления дознавателя, указал, что, согласно заключению экспертов, потерпевшие не склонны к паталогическому фантазированию и искажению реальности, оценил как «не опровергающие обстоятельства, установленные в ходе

расследования уголовного дела», доказательства стороны заявительницы, отметил, что прекращение уголовного дела вследствие акта амнистии не является реабилитирующим основанием и «не освобождает виновного от обязательства по возмещению вреда». Виновного, как следует из контекста и законодательства (см. п. 4 настоящих письменных замечаний выше), в совершении преступлений, в то время как виновность заявительницы в совершении каких бы то ни было преступлений не была установлена в предусмотренном законом порядке. Таким образом, очевидно, что городской суд не осуществлял независимой от выводов дознавателя оценки доказательств и обстоятельств по делу. В решении суда отсутствует какое бы то ни было изложение содержания хотя бы даже тех доказательств из уголовного дела, которые упоминаются им: протоколов допросов и очной ставки, - суд ограничивается лишь выводом о том, что они подтверждают вывод дознавателя, то есть «факт причинения несовершеннолетним детям насильственных действий, от которых последние испытали физическую боль», который «установлен материалами уголовного дела». Тем более в решении суда не содержится ответов на аргументы заявительницы в пользу недостоверности и противоречивости этих доказательств, что ещё раз косвенно свидетельствует о том, что суд не осуществляет их оценку, но ссылается на них лишь как на основания выводов дознавателя. Структура мотивировочной части определения Приморского краевого суда от 05 апреля 2016 г. ещё более явно свидетельствует о нарушении презумпции невиновности, т.к. единственным названным там доказательством является постановление дознавателя (см. с. 3 этого определения – приложение № 12 к первому формуляру жалобы, направленному в Суд). Также примечателен вывод суда второй инстанции, что «прекращение уголовного дела по не реабилитирующему основанию не является основанием для освобождения [заявительницы] от гражданско-правовой ответственности». Очевидно, что вести речь об освобождении от ответственности можно только в том случае, когда для вывода о её возникновении есть все основания. И таким основанием в этом контексте может быть только вывод дознавателя о совершении заявительницей преступлений, что и порождает необходимость нести гражданско-правовую ответственность. Судья Верховного Суда РФ в своём определении от 15 сентября 2016 г. соглашается с выводами нижестоящих судов, которые, по его мнению,

пришли к правильным выводам, «принимая во внимание факт причинения несовершеннолетним насильственных действий (sic!) со стороны [заявительницы]» (см. с. 2 определения – приложение № 16 к первому формуляру жалобы, направленному в Суд), то есть, опять-таки, принимая во внимание факт, взятый судами из постановления дознавателя, а не сделанный в рамках собственно гражданского дела судами на основании независимого исследования и оценки всей совокупности доказательств, представленных в материалы гражданского дела.

9. В связи со ссылкой властей на Постановление Суда по делу *Ringvold v. Norway*, no. 34964/97, ECHR 2003-II заявительница хотела бы обратить внимание, что она не оспаривает как таковое право лица, которое было признано потерпевшим в рамках уголовного дела, завершившегося без признания подозреваемого или обвиняемого виновным, требовать в гражданско-правовом порядке компенсации за те самые действия или бездействие, которые, по мнению этого лица, являлись преступными и были совершены в отношении него тем, кто в рамках уголовного дела был подозреваемым или обвиняемым. Никакого вопроса об этом также не поставлено перед сторонами разбирательства Судом. Предмет разбирательства по настоящему делу совершенно иной и явно выражен в вопросах Суда. Заявительница также не утверждает, что доказательства, собранные в рамках уголовного дела, в принципе не могут использоваться в рамках гражданского дела. Предметом настоящего дела является вопрос о том, была ли судами в рамках гражданского дела осуществлена самостоятельная оценка этих и всех других представленных в материалы гражданского дела доказательств с целью разрешения тех вопросов, которые должны быть разрешены применительно к поданному иску, или же суды ограничились ссылкой на выводы дознавателя, лишь формально перечислив названия доказательств, положенных дознавателем в основу его постановления.

Ответы на вопросы Суда под цифрой 3: «Был ли судами соблюден принцип равенства сторон в соответствии со статьей 6 § 1 Конвенции в рамках рассмотрения гражданского иска, поданного против заявительницы?», «В частности, была ли заявительница поставлена в явно неблагоприятную позицию относительно другой стороны разбирательства в связи с отказом в

удовлетворении её ходатайств о вызове и допросе предполагаемых жертв преступлений и экспертов, подготовивших заключение от 31 марта 2015 г.»»

10. Да, заявительница была поставлена в явно неблагоприятную позицию относительно истца в связи с отказом в удовлетворении её ходатайств, фактически направленных на обеспечение непосредственного исследования, в том числе судом, ключевых доказательств по делу, подтверждавших – по крайней мере, в своей письменной форме (применительно к очной ставке с Т. – также аудиозаписи) и когда их содержание в значительной мере определялось дознавателем, собиравшим, сформировавшим эти доказательства – позицию истца, что также было призвано обеспечить самостоятельную и независимую оценку судом этих доказательств, в том числе на предмет их достоверности, которая в результате не была и не могла быть дана, в связи с чем был нарушен принцип равенства сторон, предусмотренный статьей 6 § 1 Конвенции (ср. *Dombo Beheer B.V. v. the Netherlands*, 27 October 1993, §§ 34-35, Series A no. 274). Это особенно важно, учитывая, что заявительница прямо обозначила множество противоречий в показаниях потерпевших и свидетелей, а также противоречий между ними и другими материалами дела, противоречий в словах экспертов, которые требовали разрешения с целью оценки этих доказательств на предмет их достоверности (см., в частности, апелляционную жалобу заявительницы – приложение № 11 к первому формуляру жалобы, направленному в Суд).

11. В своих письменных замечаниях власти ссылаются на то, что отказ в вызове свидетелей, не достигших 14-летнего возраста, был продиктован ссылкой истца как представляющего их интересы на их индивидуально-психологические особенности (отставание в развитии, наличие посттравматического стресса), наличие психических заболеваний; те же свидетели, которые достигли 14-летнего возраста, были вызваны в суд, однако предпочли не явиться, поскольку имели такое право – что не мешало фактически взыскать в их пользу компенсацию с заявительницы, так как формально их представляла школа-интернат. В связи с этим заявительница хотела бы провести параллель с гарантиями, предусмотренными статьей 6 § 3(d) Конвенции (хотя не утверждая, что они в данном случае применимы непосредственно; см., в частности, *Al-Khawaja and Tahery v. the United*

Kingdom, nos. 26766/05 and 22228/06, §§ 119-147, 20 January 2009; *Schatschaschwili v. Germany* [GC], no. 9154/10, §§ 126-131, ECHR 2015). Принимая во внимание очевидно ключевое значение показаний этих лиц, которых суд фактически признал потерпевшими, а также заключений экспертов, необходимых для оценки показаний этих лиц, равно как показаний экспертов, нужных для оценки данных ими заключений, суду следовало найти баланс интересов сторон разбирательства. Суду следовало, например, тщательно разобрать все претензии заявительницы к достоверности письменных показаний этих лиц (и аудиозаписи очной ставки с Т.). Однако этого абсолютно не было сделано. Суду следовало задаться вопросом, имеется ли в материалах дела достаточно число доказательств, которые заявительница имела возможность эффективно оспорить, которые подтверждали бы показания свидетелей, которых она не имела возможности допросить в суде. Однако этого не было сделано. И таких доказательств со всей очевидностью нет, как нет ссылок на них в решениях судов. Действительно, в отношении Т. имелась аудиозапись очной ставки. Однако она свидетельствовала о том, что он отвечает только с подсказки взрослых, не знает число, орудие побоев, не знает места, по которому пришёлся удар и где возник синяк (см. с. 5 апелляционной жалобы заявительницы). И суд никак не мотивировал свой вывод о том, что оглашение этой аудиозаписи являлось фактором, который в достаточной степени сбалансировал ограничения прав заявительницы, вызванное невозможностью допросить Т. в судебном заседании. В отношении же других свидетелей не имелось даже такого – не говоря уже об иных – фактора, который позволил бы исправить ограничения прав заявительницы. И суды не объяснили, почему при таких условиях они сочли возможным использовать показания этих лиц без обеспечения возможности их допроса в судебном заседании, а не отказались от этого с целью обеспечения принципа равенства сторон. Как не объяснили этого и власти в своих письменных замечаниях.

Олег Анищик,
представитель заявительницы